

С.В. РЯЗАНЦЕВ

ДЕМОГРАФИЧЕСКО-МИГРАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич – кандидат экономических наук, докторант Центра социальной демографии ИСПИ РАН.

После распада Советского Союза Северный Кавказ превратился в приграничную территорию Российской Федерации. Подобные изменения не могли не отразиться на различных сторонах жизни региона; не стала исключением и демографическая ситуация. Предлагаемое исследование посвящено выявлению особенностей и последствий основных демографических процессов - рождаемости, смертности и миграции на протяжении 1990-х годов. Основными источниками анализа стали данные официальной статистики Госкомстата, региональных миграционных служб,

---

Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ (грант № 01-02-00010а).

материалы региональной прессы и результаты социологического опроса вынужденных мигрантов. На территории пятнадцати районов Ставропольского края опрашивались мигранты, прибывшие в регион с начала 1990-х годов (случайная выборка). Главная цель опроса - выявление мотивов миграции, состава и адаптации мигрантов.

Динамика естественного движения населения.

К середине 2000 г. в пределах Северного Кавказа проживали 17,9 млн. чел., или 12,3% населения страны. В последнее десятилетие резкое снижение рождаемости и повышение смертности привели к устойчивому сокращению естественного прироста населения на Северном Кавказе, хотя еще в начале 1990-х годов отмечался положительный естественный прирост. Территория

региона четко разделилась по показателю естественного прироста на две неравные по числу субъектов зоны.

Первая - «островки» относительного демографического благополучия, для которой, однако, характерно постепенное сокращение естественного прироста. В нее входили Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия и Карачаево-Черкесия, в этих регионах естественный прирост хотя и сокращался, но оставался положительным до последнего времени. В 2000 г. эта зона сократилась и включала только Дагестан и Ингушетию, в которых по-прежнему рождаемость превышает смертность. Несмотря на сложную социально-экономическую ситуацию в этих республиках, здесь отмечалась рождаемость более, чем в 2 раза высокая, нежели в среднем по стране. Сохранение такого уровня рождаемости в этих регионах объясняется, по мнению А. Магомедова, «традициями некоторых народов» [1]. Следует также учесть, что именно в Дагестане и Ингушетии отмечается и минимальная смертность, которая в 2-3 раза ниже, чем в среднем по стране и в соседних субъектах федерации.

Вторая зона - «депрессивные» в демографическом отношении регионы - в них набирается силу тенденция сокращения показателей естественного прироста. Зона постепенно «расползается» и к настоящему времени охватывает семь регионов Северного Кавказа. Наиболее интенсивно сокращается естественный прирост в русскоязычных субъектах – в Краснодарском крае, Ростовской области, на Ставрополье, а также в Адыгее (табл.). Сравнительно недавно депопуляция охватила также Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкесию и Северную Осетию - ранее демографически благополучные территории. Здесь не может не беспокоить нарастание темпов и масштабов депопуляционных явлений.

Заслуживает отдельного внимания демографическая ситуация в Чеченской республике. По оценкам Госкомстата России всего на середину 2000 г. здесь проживало около 767,9 тыс. чел. [2]. По нашим оценкам численность населения сократилась с 1989 г. примерно на 187,2 тыс. чел. в

результате сокращения естественного прироста и за счет миграционного оттока, а если не учитывать компенсирующие показатели рождаемости, то цифра существенно возрастет.

Значительный вклад в повышение смертности на Северном Кавказе вносят боевые действия и вооруженные столкновения последних лет. В их числе - осетино-ингушский конфликт, который в 1992 г. унес жизни 700 человек [3]. Кроме этого, «первая» чеченская война 1994-1996 гг. по примерным оценкам, «стоила» жизней более 86 тыс. чел. [4]. Согласно сведениям, обнародованным генералом В. Маниловым по телевидению, в ходе «первой» чеченской кампании погибло 3,8 тыс. чел., число раненых им было оценено в 17,9 тыс. чел. В ходе антитеррористической операции на начало октября 2000 г. погибло около 2,7 тыс. солдат и офицеров и около 9 тыс. чел. было ранено. Каждая неделя добавляет к цифре потерь 15-20 убитых и 50-60 раненых. По примерным оценкам около 13-14 тыс. чел. потеряли чеченские бандитские формирования [5]. Потери среди мирного населения никто не считал.

Таким образом, для всех субъектов Северного Кавказа характерно постепенное сокращение показателя естественного прироста населения, сокращение рождаемости и увеличение смертности. Несмотря на то, что традиционно Северный Кавказ считался трудоизбыточным регионом, сокращение численности населения весьма опасно в долгосрочной перспективе с точки зрения экономической безопасности.

Во-первых, из-за более быстрого снижения рождаемости изменяется баланс населения по возрасту - сокращается доля детей. Если в 1991 г. дети составляли 26,3% населения региона, то всего через семь лет – в 1998 г. - только 24% [6]. Подобная динамика отмечена во всех без исключения субъектах Северного Кавказа.

Во-вторых, изменилась структура смертности. Последняя выросла среди трудоспособного населения, что приводит в некоторых регионах к сокращению доли и этой возрастной группы. Например, в Кабардино-

Балкарии она сократилась с 55,3% в 1991 г. до 55% в 1998 г. Следует признать, что практически прекратилось увеличение доли этой возрастной группы в Карачаево-Черкесии и Ростовской области. К счастью, пока это явление на Северном Кавказе не стало повсеместным.

Понятно, что оба следствия могут отразиться не только на дисбалансе на региональных и местных рынках труда, но и на пенсионной системе, приведут к необходимости сокращения рабочих мест учителей. «Первой ласточкой» нарушения баланса между возрастными группами населения стал недобор многими школами, особенно в сельской местности, привычного числа первоклассников. Данный факт отмечают многие отделы народного образования.

Миграционная ситуация.

В 1990-е годы произошло существенное изменение миграционной картины в Российской Федерации в региональном разрезе. Как отмечает Ж. Зайончковская, существенно «усилилась притягивающая роль Северного Кавказа, особенно Краснодарского и Ставропольского краев, куда стекаются мигранты из Закавказья и Чеченской республики» [7]. "Стягивающая роль" именно равнинных территорий Северного Кавказа неслучайна. Северный Кавказ «является в определенной степени замкнутым миграционным регионом, поскольку основные миграционные потоки, возникающие в нем, здесь же и абсорбируются» [8], а в национальных республиках происходит отток населения.

По мнению В. Белозерова на территории региона можно выделить две зоны по характеру миграционных процессов [9]. «Первая - преимущественно территории с русским населением - Ставропольский и Краснодарский края, Ростовская область». Эта зона испытала приток мигрантов из Закавказья, Центральной Азии и северокавказских республик. По официальным данным, миграционный приток сюда с 1992 по 1999 гг. составил около 1 млн. чел. Во

всех этих субъектах федерации только миграция обеспечивала рост численности населения на протяжении 1990-х годов.

Вторую зону составляют северокавказские республики, откуда происходит миграционный отток, прежде всего русскоязычного населения. В пределах этой зоны «воронкой миграционной депрессии» стала Чеченская республика, охваченная на протяжении последних лет военными действиями. В начале 1990-х годов оттуда происходил интенсивный отток русскоязычного населения. Из 372 тыс. русских, проживавших в бывшей Чечено-Ингушетии на момент переписи 1989 г., к 1993 г. осталось всего 250 тыс. чел. На протяжении 1990-х годов Чеченскую республику и Ингушетию покинули примерно 250 тыс. чел., представляющих русскоязычное население [10]. В 1999 г. в Чеченской республике оставалось по разным оценкам от 30 до 150 тыс. русских. (Минимальную оценку приводит МВД России, а максимальную - А. Кадыров). Более реальной представляется оценка, которая исходит от Федеральной Миграционной службы и Совета Безопасности России - от 50 до 60 тыс. человек [9].

Как известно, доминирующими оценками последствий миграционных потоков, которые даются властями, являются нагрузка на рынки труда, осложнение социально-экономической ситуации и обострение криминогенной обстановки. Действительно, на Северный Кавказ пришлось около 20% всего миграционного прироста России. Вместе с тем отметим, что с «чисто» демографической точки зрения, для многих регионов Северного Кавказа миграция - бесспорно благо, поскольку она выступает в роли амортизатора негативных демографических последствий снижения естественного прироста в большинстве регионов.

Причины миграции.

Они изучались на основе социологического опроса мигрантов на Ставрополье, который, думается, может свидетельствовать о мотивах миграции в других регионах Северного Кавказа. Опрошенные мигранты

репрезентировали национальный состав населения районов, в которых проводился опрос. Среди опрошенных были представители большинства национальностей, отличающихся более или менее значимой долей в населении региона: русские, армяне, украинцы, чеченцы, даргинцы, туркмены, ногайцы, осетины и другие. Всего было опрошено около 350 чел. в возрасте старше 18 лет. Основная часть опрошенных мигрантов (2/3) прибыла в составе своих семей, при этом в каждой восьмой опрошенной семье брак является межнациональным. Среди опрошенных примерно равное количество мужчин и женщин.

Установлено, что основными регионами исхода опрошенных стали «горячие точки» - Чеченская республика, Северная Осетия, Ингушетия и страны Закавказья. Наряду с этим достаточно существенной оказалась доля выходцев из латентных или потенциальных очагов межнациональных конфликтов - Дагестана, Казахстана, стран Средней Азии. Кроме того, часть (12% опрошенных) мигрантов переместилось внутри Ставропольского края, переехав внутри из приграничных с Чеченской республикой территорий - Курского, Нефтекумского, Степновского и Левокумского района. Именно близость к «горячей точке» - главный выталкивающий фактор в этих районах. В приграничных с Чеченской республикой административных районах Ставропольского края на протяжении 1990-х годов происходит «обезлюдивание» границы - из приграничных населенных пунктов население интенсивно выезжает [11]. Это сказалось на ценах на жилье: в приграничных с Чечней населенных пунктах Курского района хороший дом с хозяйственными постройками и землей можно купить за 25 тыс. руб. (в Ставрополе однокомнатная квартира стоит как минимум 130 тыс. руб.).

В целом среди причин, заставивших мигрантов покинуть прежние места жительства и мигрировать на Ставрополье, преобладают стрессовые факторы – криминогенная обстановка, ущемление прав по этническому или религиозному принципу, начало военных действий - в общей сложности характерные ответы дали около 50% опрошенных. Более 1/3 опрошенных

определили в качестве главных экономические мотивы эмиграции: отсутствие работы и сложное материальное положение. Доля экологических мигрантов составила 5% от числа опрошенных; к данной группе респондентов причисляли себя выехавшие из зон стихийных бедствий и землетрясений в Армении и на Сахалине, из зоны Чернобыля. Заметим, что многих мигрантов принять решение о переселении заставляет целый комплекс факторов.

Вынужденная миграция и проблемы вынужденных переселенцев.

Для объективного анализа миграционных потоков с точки зрения экономической безопасности следует учесть их качественные характеристики. Не секрет, что на протяжении последних лет в миграционных потоках преобладают вынужденные или стрессовые мигранты. По относительным показателям максимальную нагрузку вынужденной миграции испытывают Северная Осетия, Ставропольский край, а также республика Ингушетия.

Однако это не снижает напряженности в этом вопросе в других регионах Северного Кавказа. Нападение бандитских формирований на приграничные районы Дагестана в 1999 г. оставили без крова около 17 тыс. чел. [12], многие из которых стали вынужденными переселенцами.

До сих пор не решены проблемы вынужденных мигрантов из района осетино-ингушского конфликта. Как известно, осенью 1992 г. в Ингушетию бежали около 60 тыс. вынужденных переселенцев из Пригородного района и Владикавказа [13]. Власти Ингушетии считают проблему возвращения вынужденных переселенцев в места прежнего проживания одной из самых острых, поскольку шесть населенных пунктов Северной Осетии остаются закрытыми для переселенцев. По сведениям ингушских властей на сегодняшний день вернулись на родину только 9,3 тыс. чел. [13].

В то же самое время власти Северной Осетии уверены, что процесс репатриации происходит вполне нормально. По данным осетинской стороны,

к настоящему времени вернулись около 26 тыс. ингушей, в том числе в Пригородный район - около 18 тыс. чел. По данным федеральных властей, вернулись в родные места примерно 28 тыс. ингушей или 78% от числа проживавших до конфликта (3). Однако до тех пор, пока остается хотя бы один человек, который не имеет возможности вернуться в родные места, эта ситуация может считаться проблемой.

Очень острой на сегодня остается ситуация с вынужденными мигрантами из Чечни в Ингушетию, где их, по заявлениям федеральных властей, около 40 тыс. чел. По сведениям МЧС, перемещенных лиц здесь не менее 140 тыс. чел. [15]. По заявлению руководства Ингушетии - 60 тыс. чел. [11, с. 8.]. Более объективными можно считать данные Датского Совета по беженцам, представители которого называют цифру примерно в 100 тыс. чел.

По свидетельству руководства Ингушетии, подавляющая масса (около 70%) вынужденных мигрантов проживают в частном секторе, в основном у родственников. Определенная часть расселена в нескольких лагерях для вынужденных мигрантов. По свидетельству первого заместителя полномочного представителя президента России в Южном Федеральном округе А. Коробейникова) возврат в прежние места проживания 40 тыс. переселенцев, предусмотренный специальной программой, разработанной на уровне федерального правительства и чеченской администрации, идет трудно [16].

Особенно остро стоит проблема подготовки лагерей вынужденных мигрантов к зимнему. Ощущается нехватка пищи и теплой одежды, остается сложной эпидемиологическая обстановка. Несмотря на все усилия федеральных властей по созданию условий для возвращения чеченских переселенцев в места прежнего проживания, многие из них не собираются возвращаться в ближайшее время в Чеченскую республику, опасаясь обострения военных действий, либо по социально-экономическим мотивам.

Достаточно сложной является ситуация с вынужденными мигрантами в Ставропольском крае, на территории которого численность вынужденных переселенцев и беженцев с начала регистрации в 1992 г. составила на 1 ноября 2000 г. 76,8 тыс. чел. Губернатор Ставрополя А. Черногоров заявляет о 500 тыс. вынужденных мигрантов в регионе. Согласно нашим оценкам, основанным на социологических опросах, вынужденных мигрантов в регионе не более 200 тыс. чел.

Адаптация мигрантов на новом месте жительства.

По нашим данным, не обращались за помощью в государственные органы или общественные организации около 30% опрошенных мигрантов, в миграционную службу обратились 35% опрошенных, около 25% - в службу занятости. В отношении помощи в обустройстве на новом месте жительства мигранты высказались неоднозначно. Но в целом около 50% получили помощь от родственников, около 34% - от государства, примерно 1/6 опрошенных - от друзей и знакомых. Итак, можно отметить сплоченность мигрантов и близких им людей в экстремальной ситуации.

Следует отметить, что примерно 45% опрошенных мигрантов, несмотря на стрессовую ситуацию, в условиях которой принималось решение о переселении, заявили, что их уровень жизни практически не изменился после переезда, а около 10% стали жить несколько лучше. В то же самое время около 35% опрошенных заявили о том, что переезд повлиял на их материальное положение в худшую сторону.

Некоторые из мигрантов отметили, что стали больше зарабатывать и нашли хорошую работу на новом месте жительства, приобрели дом и другое имущество, открыли свой бизнес. Однако для большинства мигрантов приобретение жилья по-прежнему остается сложной проблемой. Примерно 1/3 опрошенных снимают жилье, а около 1/6 проживают у родственников. Около 75% купивших жилье сделали это за свой счет, некоторым помогли родственники и государство.

Социальный статус мигрантов практически не изменился. Примерно 65% опрошенных определили свой статус до переезда как «работавший» и около 60% после переезда отнесли себя к этой же группе. Доля безработных среди опрошенных незначительно увеличилась (с 10% до 12%). Гораздо сложнее мигранту трудоустроиться по специальности - это смогли сделать только 25% опрошенных, еще 50% работают не по своей основной специальности. Неудовлетворенность или частичная неудовлетворенность работой характерна для подавляющего большинства опрошенных.

Нами установлено, что с ростом миграции на 1% общая безработица в районах Ставропольского края увеличивается на 0,2%, причем в наиболее тесной зависимости показатель количества вынужденных мигрантов и уровень безработицы находятся в восточных районах, где численность рабочих мест ограничена, а сферы приложения труда относительно невелики. Многие локальные рынки труда Ставрополья, отмеченные высокой миграционной нагрузкой практически исчерпали свои возможности в приеме новых работников при существующей социальной и производственной инфраструктуре.

Вместе с тем, не полностью используется образовательный и предпринимательский потенциалы вынужденных мигрантов, которые на 45-60% - люди трудоспособного возраста. Из них около 17% имеют высшее образование, примерно 29% - незаконченное высшее и среднее специальное и 54% - среднее образование. Среди людей с высшим образованием - инженеры, преподаватели, тренеры, врачи и представители Других профессий. В Северокавказском техническом университете открыт факультет нефти и газа, костяк коллектива которого составляют высококвалифицированные преподаватели из Грозненского нефтяного института; многие вузы и школы Ставропольского края пополнились кандидатами и докторами наук.

Образовательный и интеллектуальный потенциал мигрантов, возможно, станет важным фактором развития рынка труда и отдельных

отраслей экономики. Предпринимательская инициативность мигрантов достаточно высока. Так около 58% опрошенных заявили, что по прибытии на новое место жительства у них возникло желание открыть свое дело. Правда реализовать деловой потенциал удалось далеко не всем. Основными источниками доходов мигрантов являются заработная плата и пенсии - у 65% опрошенных, примерно 1/4 живет за счет доходов от предпринимательской деятельности и случайных заработков.

Влияние миграции на межнациональные отношения.

Установлено, что миграционные потоки оказывают существенное влияние на этнический состав населения, обостряют межнациональные отношения и формируют негативные стереотипы в отношении мигрантов. Учтем, что процессы протекают на фоне резкого снижения уровня жизни большинства коренного населения. В некоторых российских регионах напряженность и недовольство коренного населения иногда перерастали в открытые выступления, протесты и даже насильственные действия.

Проведенный анализ сообщений региональной прессы по проблеме возникновения конфликтов между коренным населением и мигрантами в 1990-е годы позволил установить, что одной из самых конфликтных групп коренного населения являлись казаки, которые на ранних этапах возрождения своего движения нашли в этнических мигрантах объект для реализации идей «этнической чистоты» традиционных русскоязычных территорий. В 1990 г. в Ставропольском крае был официально оформлен Союз казаков, который, по мнению его организаторов, представлял интересы около 1 млн. потомков казаков, проживающих в регионе [17]. Согласно другим данным, только 120 тыс. чел. на Ставрополье идентифицируют себя с казаками [18], и данная оценка нам представляется более реальной.

Значительный миграционный приток представителей некоторых национальностей, вытеснение русского населения из стран бывшего СССР и Чеченской республики, многочисленные захваты заложников,

террористические акты в Буденновске, Кизляре, Первомайском, уровня повышение преступности инициировали целый ряд крупных акций казачества на Северном Кавказе. При этом жертвами обычно становились мигранты различных этнических групп.

Обычной формой выступлений казачества стали митинги, демонстрации, акции протеста. В 1991-1994 гг. в Ставропольском крае зарегистрировано более 70 преступлений, в которых участвовали казаки [17]. К тому же отмечены случаи незаконного хранения казаками оружия.

Выступления местного населения и казачества против месхетинских турок происходили в нескольких регионах и населенных пунктах. В начале 1990-х годов лидеры адыгского национального движения в Кабардино-Балкарии выступили против поселения месхетинских турок [20]. В 1994 г. казачий сход в селе Красный Кут Веселовского района Ростовской области принял решение о выселении месхетинских турок, и несколько семей были вынуждены выехать из населенного пункта [21]. В Краснодарском крае произошел целый ряд инцидентов между казаками и турками-месхетинцами.

Отмечены выступления также против армян. В Ставропольском крае в 1994 г. из станицы Лысогорской Георгиевского района была выселена армянская семья. В 1995 г. на митинге казаков в Георгиевске звучало требование выселить армян [22]. Избиения армян в Краснодарском крае происходили в 1992 г. в Анапе, Краснодарском аэропорту, Армавире, Тимашевске, в 1993 г. – в Анапе и Анапском районе [23], в 1994 г. - в станице Елизаветинской Прикубанского района Краснодара [24]. В июле 1997 г. более двух тысяч жителей Кореновска Краснодарского края собрались по инициативе казаков на митинг на главной площади города и требовали выселить армян [25].

В Краснодарском крае в 1997 г. на стихийном митинге в городе Кореновске жители обвинили переселенцев-курдов в том, что они нигде не работают, совершают мелкие хищения в домохозяйствах, потравы на полях. Сход потребовал от администрации, УВД и прокуратуры выселить

мигрантов, причастных к преступлениям [24]. Также коренные жители в некоторых регионах выступали против цыган, даргинцев, аварцев, чеченцев и «лиц кавказской национальности».

Установлено, что взаимоотношения опрошенных мигрантов с коренным населением более чем у 80% опрошенных складываются нормально и они никогда не испытывали к себе пренебрежительного отношения со стороны кого, бы то ни было. При этом 9% опрошенных мигрантов иногда или регулярно испытывают такое отношение, в связи с их национальностью. Как ни странно, большинство опрошенных мигрантов заявили о «притеснениях», которые они испытывали, главным образом, в государственных учреждениях от официальных лиц и милиции. Буквально единичны ответы о пренебрежительных высказываниях в адрес мигрантов со стороны пассажиров общественного транспорта и прохожих и ни одного ответа в отношении сослуживцев. Примерно 1/6 опрошенных мигрантов разных национальностей считает, что их права существенно ущемлены в регионе.

Около 30% опрошенных мигрантов никогда бы не стали принимать участия в борьбе за права своей этнической группы в любой форме. Тем не менее, потенциал конфликтности достаточно высок и примерно 5% опрошенных готовы отстаивать права своей этнической группы, в том числе и в вооруженной форме. На новом месте жительства для мигрантов характерна сплоченность. Более 95% опрошенных мигрантов поддерживают отношения с представителями своего этноса. Однако данная сплоченность часто не оформлена юридически, поскольку 65% опрошенных никогда не слышали и не знают о существовании в своем населенном пункте национальных обществ.

Рост межэтнической напряженности на Северном Кавказе связан с несколькими типами причин. Попытаемся их обозначить. Во-первых, правовые (юридические) - многие мигранты не имеют возможности легализовать свое правовое положение, получить прописку, зарегистрировать

свои домовладения, купленные на основании «ручных сделок» и пр. Зачастую, препятствуя легализации мигрантов, власти обостряют межнациональное противостояние.

Во-вторых, политические и этнополитические – упомянутые возрождение и становление казачьих объединений в русскоязычных регионах и национальных движений и обществ в республиках Северного Кавказа.

В-третьих, экономические и социально-экономические - экономическая стратификация населения, конкуренция за рабочие места и землю, что особенно актуально для сельскохозяйственного региона.

В-четвертых, социальные - в начале современного массового переселения в районах вселения мигрантов коренное население ощутило острый дефицит потребительских товаров; в настоящее время некоторая часть коренного населения иногда связывает с мигрантами рост преступности и появление новых видов преступлений (распространение наркотиков и др.).

В-пятых, демографические - интенсивная миграция и высокая рождаемость этнических мигрантов, в том числе месхетинских турок, армян, курдов на фоне депопуляции других этнических групп, прежде всего русских.

В-шестых, социокультурные, или бытовые – вполне закономерное изменение условий жизни в процессе увеличения диаспор иной культуры. В подобных условиях обычные бытовые проблемы часто приобретают ярко выраженную этническую окраску.

В-седьмых, религиозные - некоторые мигранты являются мусульманами, в то время как большинство коренного населения исповедует христианство.

Основные выводы.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что роль естественного движения в формировании населения в регионе неуклонно сокращается, что является тревожной тенденцией не только для региона, но и для страны в целом, учитывая стратегическое положение Северного Кавказа. Роль миграционного прироста остается значительной, но, к сожалению, в миграционных потоках у людей продолжают доминировать открытые или скрытые вынужденные мотивы переселения. Не может не вызывать озабоченность этнический состав миграционных потоков. В данной связи опасность несет не столько приток -

различных этнических групп в русскоязычные регионы, сколько отток русских из северокавказских национальных республик, что усиливает там моноэтничность населения.

По-прежнему далека от решения проблема вынужденных переселенцев. На наш взгляд, необходимы экстренные меры по кардинальному изменению ситуации. На федеральном уровне необходимо продолжать оказание помощи части вынужденных переселенцев для их интеграции в места нового проживания. Также необходимо создать по «максимуму» условия для желающих возвратиться в места прежнего проживания, причем это должно касаться не только этнических чеченцев, ингушей и осетин, но и русскоязычного и другого населения. Для этого необходимы значительные усилия по обеспечению правопорядка и социально-экономического возрождения депрессивных регионов.

Особым направлением действий должна стать гармонизация межнациональных отношений. Прежде всего, речь идет о государственной политике, которая эффективно противодействует экстремизму, способствует формированию толерантного сознания в гражданском обществе. Вторая задача - необходимо использовать систему образования и дошкольного воспитания для формирования у подростков терпимости к иной культуре и вере. Третья задача - мобилизация возможностей средств массовой информации для воспитания терпимости и гуманистического мировоззрения.

Руководители регионального и местного уровней также могут существенно помочь в разрешении проблем. Требуется политика смягчения режима прописки для уже допущенных и проживающих мигрантов. Следует признать, что неопределенность их статуса во многом провоцирует конфликты и способствует их «вынужденной маргинализации». Этот принцип, однако, не исключает необходимости регулирования новых миграционных потоков. Так, как это практикуется во многих развитых странах.

Кроме того власти на местах отнюдь не исчерпали собственных возможностей по созданию новых рабочих мест и фактически не используют образовательно-квалификационный потенциал и предпринимательские способности вынужденных мигрантов. Имеет смысл помогать не только мигрантам, но и коренному населению в открытии своего дела, создании новых рабочих мест и, таким образом, способствовать интеграции мигрантов в общество.

Список литературы

1. Магомедов А.А. Вопросы социально-демографического развития Северного Кавказа. Проблемы населения и рынков труда России и Кавказского региона. Москва - Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998. С. 149.
2. Основные показатели социально-экономического положения Российской Федерации в I полугодии 2000 года // Российская газета. 1 августа 2000. С. 5.
3. Максаков И. Последствия осетино-ингушского конфликта не преодолены // Независимая газета. № 207. 1 ноября 2000. С. 2.
4. Асатуров Б. История конфликта в Чечне в цифрах и фактах // Аргументы и факты. Северный Кавказ. № 37. Сентябрь 1997. С. 2.
5. В войне не проигрывает только смерть // Общая газета. № 40. 5-11 октября 2000. С. 2.
6. Ставропольский край и регионы Северного Кавказа: Статистический сборник. Ставрополь: Краевой комитет государственной статистики, 1999. С. 11.
7. Население России 1997. Пятый ежегодный демографический доклад. М.: ИНХП РАН, 1998. С. 118. С. 118.
8. Мкртчян Н.В. Регионы Северного Кавказа в зеркале миграции // Проблемы населения и рынков труда России и Кавказского региона. Москва- Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998. С. 68.
9. Белозеров В.С. Этнодемографические процессы на Северном Кавказе. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. С. 11-12, 85.
10. Янченков В. Хотят ли русские в Чечню // Труд-7. 30 марта 2000. № 58. С. 6-7.
11. Глебова В. «Туман» на чеченской границе // Огонек. № 22. 1997. С. 21.
12. Ковальская Г. Рукотворная катастрофа // Итоги. 26 октября 1999. С. 12.
13. Мальсагов А. Республика Ингушетия развивается динамично // Северный Кавказ. № 38. Октябрь, 2000. С.13.

14. Беженцы будут зимовать в лагерях // Ставропольская правда. 21 сентября 2000. № 203. С. 1.
15. Рыклин А. Беженский край // Итоги. 29 августа 2000. С. 25.
16. Куц Е. Проблема утонула в болтовне // Ставропольская правда. № 249. 18 ноября 2000. С. 2.
17. Масалов А.Г. Об участии казачества в обеспечении безопасности и правопорядка на Северном Кавказе // Социально-экономическая и политическая сбалансированность региона в условиях развития местного самоуправления / Материалы региональной научно-практической конференции (14-15 октября 1999 г.). Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. С. 206-207.
18. Иванников Б.Д. Наши исследования почти не востребованы. // Аргументы и факты. Северный Кавказ. 1997. № 46.
19. Ставропольская правда. 1995. 5 декабря. № 232. С. 1.
20. Аккиева С. Кабардино-Балкарская Республика. Модель этнологического мониторинга. М., 1998. С. 21.
21. Северный Кавказ. 1994. 9 июля.
22. Ставропольская правда. 1995. 4 августа. № 151. С. 2.
23. Тер-Саркисянц А.Е. Межнациональные отношения в Краснодарском крае, 1993 г.: Основные тенденции развития // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 55. 1994. С. 8.
24. Осипов А.Г., Черепова О.И. Нарушение прав вынужденных мигрантов и этническая дискриминация в Краснодарском крае. Положение месхетинских турок. М., 1996. С. 84.
25. Крицкий Е., Савва М. Краснодарский край. Модель этнологического мониторинга. М., 1998. С.38-39.